

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

- Лаптев В. А. Федеральное законодательство о предпринимательстве: структура и регулятивная роль 9
- Хилюта В. В. Какой быть методологии уголовного права 20
- Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против 32

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НОВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

- Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России.
Часть 2. Общая характеристика языка уголовного закона и основные методологические подходы
к разработке теоретической модели языковой формы нового Уголовного кодекса России 41

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Луткова О. В. Общественное достояние в трансграничных авторско-правовых отношениях 56

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Савоськин А. В. Отзывы о деятельности органов власти: от практики к теории 68

В ФОКУСЕ МНЕНИЙ

- Кизилов А. Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие 79
- Грачёва Ю. В., Евдокимов А. А. Смертная казнь: взгляды русских криминалистов
(обзор уголовно-правовой литературы XIX в.) 95
- Тоскина Г. Н. Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917—1926 гг.) 106

ПРАВО ЗА РУБЕЖОМ

- Серебренникова А. В., Трефилов А. А. Преступления против личности по Уголовному кодексу
княжества Лихтенштейна: общая характеристика 113
- Abel Souto M. Expanding the crime of money laundering and countermeasures against global terrorism 125
- Бакишев К. А. Экологические правонарушения в новом УК Республики Казахстан 133

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

- Хатов Э. Б. Воспитательная работа с молодыми специалистами в органах прокуратуры:
понятие и правовые основы 141

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Ролик А. И. Предмет наркопреступлений: подходы к его определению 148

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Бычков В. В. Порнография: отношение власти и общества, нормативное противодействие 167
- Ложкарева М. Е. Преступление и наказание в средневековом Уэльсе. 184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Нравственность и право: этико-философское осмысление и практика сближения 193

В начале 1990-х гг. был создан Российский совет Древлеправославной Поморской церкви (ДПЦ). В совет вошли представители поморцев, брачных поморцев, брачных беспоповцев, поморцев законно-брачного согласия, даниловцев. Древлеправославная Поморская церковь опекает поморцев России, Украины (в 1996 г. насчитывалось 18 общин, ответственная община — Харьковская), часть поморцев Белоруссии (в 1996 г. — 22 общины, ответственная община — в г. Борисове), поморцев Молдавии (ответственная община — в г. Еденцы), Казахстана (в 1996 г. — 10 общин, ответственная община — в г. Лениногорске, бывшем г. Риддере Восточно-Казахстанской обл.), Киргизии (ответственная община — в г. Бишкеке). Также образовались Центральный совет ДПЦ Латвии в Риге (1989 г.), опекающий более 60 латвийских общин и некоторые общины Эстонии и Белоруссии. В 1995 г. создан Союз старообрядческих приходов Эстонии (11 общин), а в 1998 г. — Центральный совет ДПЦ Беларуси (37 общин). В Польше Высший совет ДПЦ был создан еще в 1983 г. В ДПЦ существует особый чин благословения наставника, совершаемый над избираемым всей общиной кандидатом. Выборы осуществляются из нескольких, по возможности, наставников (как правило, один из них местный, а другой представляет Российский совет ДПЦ).

Можно указать на некоторые признаки, характеризующие обрядовую и религиозно-вероучительную сторону современных старообрядцев-поморцев как в России, так и за рубежом: во время молитвы староверы совершают земные поклоны; крестятся двумя перстами, как крестились в старину; молятся образам, а не иконам; крестный ход у них происходит в противоположном направлении («о посолонь»); вместо «Иисуса» говорят «Исус»; не курят и не пьют; мужчины растят бороды и носят скромную неброскую одежду, в церкви это кафтан у мужчин и самобытный сарафан у женщин; почитают двух святых (Аввакума и Павла Коломенского), которых нет в официальном православии.

Для всех направлений и толков старообрядчества в отношении государства, власти и права характерны весьма различные мировоззренческие позиции: от полного неприятия государственности (крайняя его форма — бегун-

ство) до участия в законодательных органах и правительственных структурах. Однако подчеркнем, что в целом старообрядчество всегда было достаточно лояльно и даже патриотично в отношении к интересам своей страны. Это характерно также и для старообрядцев, проживавших и проживающих за рубежами России. Исторические заслуги старообрядчества в целом как носителя традиционной культуры перед русским народом огромны. Старообрядчество — это религиозно-культурно-бытовое, а не только узко обрядовое явление. Старообрядцы во всей своей жизни стремились осуществить подлинную свободу духа, социальное равенство и церковное братство; в этом отношении старообрядческий приход является образцом христианской общины¹⁴⁴. Современные старообрядцы — законопослушные граждане Российского государства. Общины старообрядцев как правило юридически зарегистрированы, их организации входят в социально-политическое поле России.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ: ХАРАКТЕР ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И. А. Кацапова,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии РАН

Панорама современной жизни демонстрирует нам, что сегодня меняется общественно-политическая, а соответственно, и правовая реальность, в силу чего смещаются смысловые характеристики и акценты в системе политико-правовой деятельности. В результате сегодня формируется более гибкое отношение к представлениям о правовом плюрализме, о плюрализме правопорядков. В социальной реальности правовой плюрализм, по мнению социолога и правоведа Г. Д. Гурвича, создавшего в начале XX столетия теорию *социального права*, является следствием фактического плюрализма. Плюрализм общества, по Гурвичу, состоит из отношений государственного права и других видов права, причем это могут быть отношения либо приоритета, либо равенства,

¹⁴⁴ Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1988.

либо зависимости. Ученый выделял такие автономные источники права, как международные организации, профсоюзы, предприятия и т. д., каждый из которых в действительности способен порождать собственный автономный юридический порядок, регламентирующий свою внутреннюю жизнь. Главное, на что обращал внимание правовед, — все эти «автономные юридические порядки» должны находиться в процессе непрерывного взаимодействия. В теории социального права Гурвич стремился противопоставить свое понимание социального права другим интерпретациям, существовавшим в то время в Европе¹⁴⁵.

Германский юрист О. Ф. Гирке в своей нормативной теории рассуждал о значении и роли социального права и отличии его от индивидуального права. В частности, Гирке выделял наряду с базовыми правовыми отраслями — частным и публичным правом — также *социальное* и *индивидуальное* право, подчеркивая, что такое деление обусловлено прежде всего природой самого человека: его индивидуальностью, с одной стороны, и социальностью — с другой. В контексте социальных отношений индивидуальное право ставит человека по отношению к другим людям как индивида по отношению к индивидам, в то время как социальное право рассматривает всех людей как членов общности. И если индивидуальное право основано на отношении взаимообуславливающего интереса всех участников отношения, на координации этих интересов, то социальное право основано на отношении субординации. Соответственно, главным признаком социального права является подчинение всех членов социальной организации, союза, так называемой союзной воле, тогда как в индивидуальном праве, по мнению Гирке, подчинения такого рода не наблюдается.

В настоящее время многие нормативные теории отходят от определения права как совокупности норм, содержащихся в законе, ориентируясь прежде всего на то, что право проявляется также и в административных актах, и в судебных решениях, и в отдельных положениях договоров, и в общих принципах, и в представлениях о ценностях права, например о справедливости, и даже в идеях о праве. Подчеркивается также и то, что государство

представляет только один из множества социальных институтов. В социальной реальности наряду с государством создаются корпоративно организованные институты, многочисленные союзы и группы, объединяющие людей для осуществления каких-либо идей и целей и при определенных условиях также претендующих на нормотворчество. Возможность нормотворчества в негосударственных объединениях определяется как раз не государством, а общественными и социальными взаимоотношениями, ориентирующимися на коллективный образ мышления.

Конечно, плюрализм учений о праве касается прежде всего его формы и содержания. К тому же существование плюрализма правопорядков не исключает необходимости говорить и об однородности права, нормы которого образуют так называемое объективное право, обязательное для исполнения неопределенным кругом лиц, т. е. для всеми без исключения гражданами государства. Важно отметить и то, что негосударственные социальные институты, создавая обязательные нормы для членов союза, в то же время не имеют возможности создавать так называемое объективное право, такое полномочие принадлежит только государству. Однако при полной монополии на создание объективного права государство между тем регулирует не все общественные отношения, а только наиболее важные, защита которых позволяет сохранять и поддерживать правопорядок как в самом государстве, так и на уровне общественных отношений.

Для того чтобы понимать суть социальной нормативности необходимо учитывать то, что не все социальные отношения сводятся лишь к юридическим отношениям. В социальном пространстве не только строятся отношения на уровне юридических лиц или субъектов права, но также возникают конкретные правоотношения между людьми, непосредственно участвующими в установлении этих отношений. В любом случае социальная роль права в юридическом понимании — как совокупность наиболее важных социальных норм, установленных, санкционируемых и защищаемых государством, существенно отличается от восприятия социальной нормативности в рамках, например, философского обоснования социальной роли права.

¹⁴⁵ Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. М., 2009. С. 381—389.

Понятно, что понимание права и, соответственно, правовой реальности, не дано фактически, а является результатом долгого исторического процесса не только формирования самого понятия «право», но и четкого разграничения в юридической науке и практике содержаний таких понятий, как «право» и «закон». Сегодня право и закон принято выводить из самих этих понятий, постулируя тем самым их безусловную самодостаточность в отличие, например, от древних времен, когда право выводилось из обычая. Справедливости ради следует заметить, что до сих пор нет четкого различия того, что собой представляет право, а что закон (к сожалению, даже среди профессиональных юристов). По этому поводу продолжают, как и более столетия назад, профессиональные дискуссии о соотношении права и закона. Но, как и более столетия назад, многие формы неофициального права, т.е. того права, которое не было создано или признано государством, в обычном (юридическом и неюридическом) лексиконе (словоупотреблении) «правом» не называется.

Как известно, активные и продуктивные профессиональные дискуссии между юристами позитивистского и естественно-правового направлений по поводу того, является ли так называемое естественное право — правом или оно таковым не является, проходили в конце XIX — начале XX столетия как в Германии, во Франции, так и в России. Конечно, особого внимания заслуживают отечественные дискурсы о значении проблемы соотношения позитивного и естественного права, так как именно в России в рамках грандиозной философско-правовой полемики была фундаментально теоретически освоена тема соотношения морали и права.

Отечественный философ В. С. Соловьев в произведении «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897 г.) не столько стремился определить философские основания нравственности, сколько пытался показать детерминирующий характер и взаимообуславливающую связь нравственности с различными социальными сферами общественной жизни, такими как юридическая, экономическая, политическая, социальная. Именно поэтому он рассматривал практическую связь нравственности и права, как сформулировал он сам, как «единство в необходимом», как один из конкретных вопросов практической философии — этики. Философ неоднократно подчеркивал, что от положительного пони-

мания этой связи зависит как жизненность, так и плодотворность самого нравственного сознания.

Пытаясь ответить на вопросы «Что такое право?», «Откуда оно происходит и из чего складывается?», «В чем суть ограничения, делающего из свободы право?», «Все ли равны перед правом?», «Всякий ли человек может действовать по совести, а не по естественным желаниям?», Соловьев, по сути, создал для юридической науки того исторического периода теоретическое поле для исследования философско-правовой проблематики. В его теории «этического минимализма», как ее определили современники Соловьева, право выступает синтезом общественных и частных интересов, объективно охраняя ценности (нравственные) индивидуальной свободы и общественного блага. В концепции В. С. Соловьева требуемый «правом минимум добра» включает в себя идею «обеспечения всем людям права на достойное человеческое существование».

Важно отметить, что сущность соловьевской концепции сводится к определению не количественной, как считали многие (в частности, Б. Чичерин, и в начале своего творческого пути П. Новгородцев), за что, собственно, его и критиковали, а качественной, т.е. той самой моральной пользы права, осуществляемой в общественном пространстве. Минимум нравственности, на чем акцентировал внимание Соловьев, — это та моральная польза, которую осуществляет право, защищая индивидуальные интересы личности от антиобщественных посягательств на ее права. По Соловьеву, право всегда должно соответствовать нравственному идеалу.

Активный оппонент В. Соловьева Б. Чичерин, в свою очередь, указывал на недопустимость смешения права и нравственности, твердо придерживаясь точки зрения, что в общественном пространстве, кроме нравственного закона, существуют другие законы, которым нравственность должна подчиняться. По Чичерину, нравственность и право относятся к двум разным сферам свободы: первая — к внутренним побуждениям, определяемым совестью, а вторая — к внешним отношениям свободы одного лица к свободе других. Несмотря на методологическую и мировоззренческую несовместимость позиций В. Соловьева и Б. Чичерина, надо заметить, именно их философско-правовая полемика стала важным

теоретическим источником в развитии отечественной философско-правовой проблематики.

Концептуальные идеи Соловьева плодотворно оформились в теоретическом наследии П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого. Так, по мнению Новгородцева, среди философов истекшего века (XIX) именно Соловьев стал наиболее видным защитником правовой идеи. Именно Соловьев в своей теоретической деятельности стремился «обнаружить силу права против права силы»¹⁴⁶. Позитивно оценивая философию права В. Соловьева, Новгородцев особо выделил в ней области объективной и субъективной этики.

К сожалению, этот исторический опыт был прерван на долгие годы, но внушает оптимизм тот факт, что именно сегодня есть возможность продуктивно выработать сущностные характеристики принципа соотношения морали и права как основополагающих нормообразующих форм общественной жизни человека.

На этом фоне особо актуальной становится проблема выявления нормативной структурированности системы общественных отношений. Важность этой темы обусловлена прежде всего растущим интересом к проблеме, связанной с человеческим действием, с одной стороны, и смыслом общественных отношений — с другой.

Нельзя сказать, что тема эта не интересовала исследователей до сих пор, она активно обсуждалась и обсуждается как философами, так и юристами, и логиками уже на протяжении многих десятилетий. Однако все эти концепции — это учения о систематизации права, сориентированные в большей мере на анализ и систематизацию норм права, анализ компетенции, позволяющей определять лиц, правомочных на создание и изменение системы права, а также на изучение нормативных следствий изменений системы права: отмены, пересмотра правовых норм и пр. По сути, это разработка системы правоприменения в рамках юридической науки.

Так, в юридической науке нормативность воспринимается как определенный способ систематизации позитивных норм, то есть упорядочивание правовых предписа-

ний: в законодательной системе это прежде всего кодификация норм права, а в научном исследовании — это возможность устранения противоречий в правовых предписаниях. А в рамках философии права авторы в большей мере ориентируются на логико-философский анализ юридических решений, рассматривая эвристику их принятия. В середине прошлого столетия деонтическая логика, исследующая логические структуры прескриптивного языка, изучая свойства таких функторов, как «обязательство», «запрет», «дозволение», по сути, раскрыла многоаспектность самого понятия «нормативность».

Конечно, система нормативной регуляции в данном случае представлена весьма односторонне. В основном она ориентирована на профессиональную деятельность юристов, которые с позиций юстпозитивизма разрабатывают систему нормативной регуляции, учитывая при этом лишь норму права. Нормативность в юридической науке¹⁴⁷, в ее логическом аспекте, обсуждается как проблема создания, применения и оптимизации нормативных кодексов, как проблема соотношения нормативных систем и правопорядка. Конечно, система права обладает собственным критерием выделения того, что является предметом коммуникации, но, по сути, правовая система выступает в качестве основного механизма, регулирующего отношения между элементами социальной системы. В то же время социальная нормативность обусловлена скорее системой межличностных отношений, коммуникации людей в рамках социальных институтов.

На самом деле социальная нормативность — это не столько проблема создания, применения и оптимизации нормативных кодексов или проблема соотношения нормативных систем и правопорядка, сколько социальное поле коммуникации и отношений между людьми. К тому же в контекст социальной нормативности включаются не только нормы права, но и нормы морали, религии, обычая. В принципе для определения содержания и смысла социальной нормативности необходимо учитывать то, что любые нормы в системе общественных отношений чело-

¹⁴⁶ Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 286.

¹⁴⁷ Специфика юридической нормативности широко представлена в работах таких авторов, как Р. Дворкин («О правах всерьез»), К. Э. Альчурон, Е. В. Булыгин («Нормативные системы»), Роберт Алекси («Понятие и действительность права») и др.

века — религиозные, моральные, правовые или какие-то другие — на самом деле всегда должны рассматриваться в контексте коммуникативных связей человека.

В этом смысле важно отметить, что сегодня не столько мораль, сколько право становится одним из условий взаимодействия между людьми, практически обеспечивая состояние коммуникативных связей человека в обществе. В общественных отношениях право, в отличие, например, от морали, занимается не просто поведением человека, а индивидуальными человеческими действиями как таковыми. Вследствие этого право становится одной из предпосылок коммуникативных связей человека в обществе в том смысле, что право не просто описывает, а прежде всего устанавливает или определяет ту реальность, в которой человек создает условия для взаимодействия с другими. В отличие от морали, которая создает условия для поиска компромисса между «возможным» и «должным» поведением, право жестко ограничивает и регулирует общественное поведение человека (в частности, перспективой наказания). Поэтому для человека право в любом случае представляет собой лишь внешний фактор, ту реальность, с которой человек должен считаться. Человек не воспринимает право как явление, на которое он может влиять, и тем более которое он может формулировать для себя. В социальной реальности нормы права и морали определяют границы дозволенного поведения для человека, поэтому следование норме представляет собой положительную ценность, соответственно, нарушение — отрицательную ценность. В любом случае нарушение правила общественного поведения влечет за собой определенную общественную санкцию: в одном случае это может быть общественное порицание, в другом — юридическая санкция. Социальная обусловленность нормы права отличает ее от моральной нормы тем, что последняя, может, и дает оценку общественным и личным интересам, тогда как право сориентировано лишь на их разграничение.

В определенных условиях этические и правовые правила, например запрещение убийства, совпадают и по смыслу, и по степени ограничения поведения человека. Однако в данном случае правовые правила имеют неоспори-

мое преимущество — через законодательную систему норм, например уголовного права, создают минимальные гарантии общественной безопасности от угрозы убийств. Бесспорно, что некий порядок, устанавливаемый правом, необходим для каждого общества. Но важно отметить, что этим социальный статус права не ограничивается.

На эту специфику обратил внимание в конце XIX столетия отечественный юрист и социальный философ П. И. Новгородцев, отмечая, в частности, что область положительного права применение нормативного принципа не должно ограничиваться, поскольку формальный анализ права не касается его сущности, а рассматривается только как «порядок», регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе. В данном контексте социальный статус права задействован лишь на выражении индивидуального интереса: автономии личности, личного интереса (принципа), «обеспечивающего только каждому свое» — как чье-то право. Согласно же точке зрения Новгородцева, социальная роль права гораздо шире — и связано это с тем, что право представляет собой «норму и принцип личности»¹⁴⁸. Столь же важно и то, подчеркивал юрист, что ни право, ни государство сами по себе не создают законы, их создают люди. Государство является лишь органом, а не творцом общественной жизни. Многие социальные проблемы, как и проблемы соотношения государства и личности, коренятся не в безличных общественных структурах и институтах, так называемых объективных законах социального развития, а в самом человеке. К тому же абстрактные понятия — «государство», «право», зависящие от политических и социальных условий, со временем меняют свои смысловые характеристики, в то время как человек, его устремленность в будущее — его способность мыслить и оценивать реальность — дают ему право совершенствоваться как институты, так и условия общественной жизни. В силу этого, полагал правовед, только от человека зависят и качество самих законов, и смысл общественного бытия.

В принципе, мыслитель стремился показать относительную самостоятельность различных сфер социальной жизни и в то же время их детерминированность определенными нрав-

¹⁴⁸ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 279.

ственными принципами. Пытаясь связать эти принципы с социальной реальностью, Новгородцев хотел показать, что только человек, имеющий способность возвыситься над материальной действительностью, потенциально способен путем своего совершенствования и развития опосредованно влиять на совершенствование политических и правовых форм организации социальной жизни.

Главным идейным мотивом теоретического осмысления права и правовой реальности для Новгородцева было осознание того, что для правовой природы человека определяющее значение имеет осознание того обстоятельства, что в абстракциях права за внешней условностью речь идет о самом главном и существенном в жизни индивида и всего социума: свободе, справедливости, равенстве. Поэтому правовые условности на самом деле, считал правовед, это абсолютно необходимые условия достойной человека жизни — всех и каждого. Стремясь выяснить, в какой же мере праву присуще нравственное содержание и каким образом соотносятся нормативные категории, Новгородцев пришел к выводу о том, что обе категории в социальной реальности сосуществуют в той мере, в какой ни право без нравственности, ни нравственность без права автономно существовать не могут. Согласно Новгородцеву в социальной реальности прогресс «в одной области рано или поздно отражается в другой, обуславливаясь при этом некоторым общим прогрессом всей социальной жизни»¹⁴⁹. Диалектика взаимообуславливающей связи права и нравственности заключается прежде всего в том, что внутренне неразрывная связь права и нравственности а priori задана в содержании общего закона социального развития. В общественном пространстве потребности в мире и порядке являются основными, поэтому право и нравственность необходимо рассматривать как средства к достижению этих целей. Общая цель и реальная («жизненная») связь понятий права и морали способствуют обузданию человеческих страстей, внося мир и порядок

во взаимоотношения людей, противопоставляя «эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости»¹⁵⁰.

Главное, подчеркивал мыслитель, — в рассуждениях о социальной роли права нельзя забывать о том, что только человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от его личной воли и мысли¹⁵¹. Понятно, что в качестве социальной нормы право внешне ограничивает действия индивида в общественной жизни. Однако не следует игнорировать того, что право содержит в себе не только требование подчинения некоторому высшему принципу, но еще и наличие обязательств, принимаемых индивидом. Ведь в социальном пространстве только на человека возложены обязанности, которые рассматриваются как обязанности по отношению к конкретным индивидам и как обязанности по отношению к другим людям вообще.

В современной литературе на эту форму обязанностей обратил внимание французский философ Поль Рикёр¹⁵². Суть заявленной Рикёром темы межличностной коммуникации заключается в том, что привычные формы нормативности, воспринимаемые человеком с позиции «должного», т.е. с позиции моральной оценки действия, радушно принятые общественным мнением, не раскрывают до конца смысл социальных отношений.

Не секрет, что современный человек даже в общественном пространстве продолжает ориентироваться в большей мере на то, что моральное поведение для него самого является наиболее правильным и достойным, а также наиболее важным для его самооценки. Понятно также и то, что в социальной ориентации такого рода человек находит удовлетворение, и прежде всего потому, что «собственную» мораль он способен рационально обосновать, ориентируясь на так называемый категорический императив. Однако современную систему общественных отношений и учреждений нельзя рассматривать только с точки зрения их моральной составляющей. Необходимо ориентироваться и на нормативные принципы как определения социального статуса самого

¹⁴⁹ Новгородцев П. И. Право и нравственность // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1. СПб., 1899. С. 116.

¹⁵⁰ Новгородцев П. И. Право и нравственность. С. 115.

¹⁵¹ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб., 1999. С. 14.

¹⁵² Кацапова И. А. Межкультурный смысл этико-юридического принципа П. Рикёра «Я-сам как другой» // Поль Рикёр: Человек — общество — цивилизация. Современная философия. М., 2015. С. 338—363.

человека, так и определения нормативно-социальной обусловленности его поведения в обществе.

Сегодня социально-структурированные межличностные отношения не могут быть выстроены лишь на одной морали, так как с практической точки зрения это недопустимо в силу того, что современное общество не существует вне правового поля. И не только потому, что развитие цивилизации повсеместно сопровождалось постепенным развитием системы правовых норм и одновременным созданием механизма для их регулярного и эффективного применения. Связано это прежде всего с тем, что современное представление о правовом порядке не должно ограничиваться тем, что это порядок, включающий в себя юридическое поле только отношений между субъектами права и их ответственностью. Оно должно включать в себя и представление о порядке социальных отношений, о той совокупности основных и элементарных требований, без которых само существование в обществе невозможно. Вполне очевидно, что установленные государством законы действуют не в вакууме, а существуют непосредственно и в тесной связи с моральными кодексами, более или менее сложными, прописанными детально или в общих чертах. Взаимоотношения между правом и моралью несомненны и являются одним из важнейших факторов жизни современного общества и уж тем более человека. Соответственно, правовой порядок должен включать в свое содержание определения как права, так и морали, потому что современная система общественной жизни ни без морали, ни без права вообще существовать не может. Стремление такое по меньшей мере противоестественно, а в целом ведет как к уничтожению и дискредитации самой морали, так и к притуплению правового сознания. К тому же современный человек в условиях общежития не может не реагировать на социальный запрос, связанный с ценностно-нормативными установками на социально заданные условия совместного проживания.

В своей теории межличностной коммуникации Поль Рикёр акцентирует внимание на том, что в повседневной практике человек включается в общественные отношения, характер которых не всегда соответствует простому диалогу «я» — «ты». Поэтому, рассматривая социальный статус современного человека, Рикёр выделил в нем интерсубъективный

характер ответственности. При этом философ ввел в теорию и практику дискурса новое поле коммуникации, где рассматривает проблему институционального опосредования. Характер институционального общения строится на основании зависимости от конкретных коммуникативных ситуаций и от существования институциональных посредников: так называемых общественных институтов, таких как законы, предписания, инструкции, руководства и т. п.

Заслуга мыслителя состоит еще и в том, что именно он обратил внимание на существующую «мутацию», в его определении, нормативных принципов — морали и права в контексте социальной роли индивида и назвал ее «пограничной ситуацией», которая, по сути, и обуславливает связь социальной нормативности. Рикёр показал, что человек становится полноценной личностью, уважающей себя, только в случае, когда понятие «Я-сам» перерастает границы самости и становится принципом общественной жизни — «Я-сам как Другой» (через понятие «Я-сам как Другой»).

Современный способ коммуникации человека, который Рикёр обозначил как «институциональные отношения», подразумевает прежде всего то, что система отношений индивида в социальном институте приобретает статусное значение, ориентируя участников на фиксированную схему коммуникативных ролей. Институциональная структура межличностных коммуникаций существенно отличается, например, от ролевой структуры повседневного общения, ориентирующегося на различные практически значимые параметры для развития конкретного дискурса.

В принципе, в развитии общественных отношений создаются условия, предусмотренные нормативностью самих этих отношений, когда между участниками возникают конкретные права и обязанности, в совокупности образующие социальный тип отношений. При этом важно учитывать то, что данный принцип размещается как в социальном, так и в юридическом поле. В общем виде такие отношения определяют возможное поведение одной стороны и ее юридическую обязанность в части каких-либо действий или воздержания от действий и другой стороны этого отношения. Однако между юридическими и так называемыми институциональными отношениями существует важное различие, которое состоит в том, что основной смысл юридических отноше-

ний строится на уровне отношений субъектов права, в контексте, например, составления совместного договора, или сделки, или защиты интересов личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий других. В то же время формальный смысл социальных отношений определяет не просто порядок межличностных отношений, скажем, на уровне взаимной симпатии или дружбы, а такой порядок отношений, который соответствует установке — «каждому свое право», определяющей порядок равноправных отношений. И в данном случае защищаются прежде всего права каждого из участников отношений от недопустимых действий самих участников отношений. При этом оговаривается то, что сами отношения должны быть доверительными и соответствовать основному критерию — уважения ко всем участникам отношений.

В своей теории Рикёр стремился «показать, что вопрос, поставленный в юридической форме: кто является субъектом права? — в конечном итоге практически не отличается от аналогичного вопроса, поставленного в форме моральной: кто является субъектом, достойным почтения и уважения?». Философ фиксирует здесь внимание на способности, понимая под этим (право)способность, и вмещаемости субъекта¹⁵³.

В принципе проблема соотношения морали и права в публичном пространстве имеет собственную логику исторического развития. И главный смысл социальной нормативности состоит в определении нормативной сущности права во взаимодействии его с другими нормами общественной жизни, в частности морали (справедливости). В социальной реальности право в принципе не может быть выделено и отнесено только к одной стороне культурной жизни человека: будь то государственная организация, институты, союзы, или общественные отношения, или даже «психические переживания» (Л. И. Петражицкий). Главное, на что должен ориентироваться современный человек, — это то, что право — не только принцип, устанавливающий правопорядок в обществе, но прежде всего — условия современной формы социальной жизни человека, его способ социальной коммуникации.

В социальной реальности индивид не фиксирует границ между правом и моралью —

смысловое содержание каждой нормы соответствует требованию «ты должен», которое, в свою очередь, порождает вопрос о нравственной основе этого должностования. И в этом заключается важный аспект любого императива — по логической структуре они однотипны, касается ли это правовой нормы или нормы морали, в любом случае запрет действует всегда, безотносительно к конкретной ситуации. В общем же плане правовые запреты соразмерны моральным. И, по сути, в социальной реальности обе категории соотносятся по принципу взаимодополнения.

Практически неочевидная, но социально необходимая связь между правом и моралью есть совершенно обоснованная правомерная реальность, в которой требования права и требования морали не просто иногда совпадают, главным и основным условием их взаимодействия является то, что сама идея права, т.е. сущность закона (или сам закон) должна соответствовать требованиям морали. Естественно, это не должно сводиться и не сводится к тому, что право и мораль совпадают полностью (например, обязанность вежливости, благодарности не может быть правовой, но только моральной и т. п.). Истина заключается в том, что каким бы ни было правило — оно может быть законом только в том случае, если требует как минимум морально допустимого, иначе, как считали древние, «несправедливый закон — это не закон вообще» («lex injusta non est lex» — св. Августин). Соответственно, моральность может рассматриваться как необходимое условие для законности в том смысле, что соответствие некоторым требованиям морали является частью условия для определения закона.

Таким образом, со всей определенностью можно утверждать, что для современного человека базовой установкой является знание о том, что реальность права в мире человеческих отношений — это прежде всего «порядок», регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе. Однако, как показывает практика, для современного человека право становится одним из условий его социального взаимодействия с другими людьми. Будь то оформление договоров или сделок, будь то просто социально ориентированный профессиональный дискурс — в любом случае право

¹⁵³ Рикёр П. Справедливое. М., 2005. С. 30.

выступает условием и гарантом современных коммуникативных связей человека в обществе. В принципе это указывает и на то, что социальная роль права шире понимания того, что право есть только условие порядка.

Важно также отметить, что система социальной нормативности представляет собой не только систему регулирования, как это принято считать, но еще и систему социальной ориентации человека. Именно систему социальной ориентации каждый человек получает от рождения в готовом виде, в перспективе либо приспособливаясь к ней, либо пытаясь как-то и в чем-то ее изменить.

В любом случае социальная нормативность представляет для человека ту часть духовного мира, которую можно назвать «образом жизни общества». Социальные нормы оказывают непосредственное воздействие на сознание людей, формируя их поведение и, соответственно, их отношения. Но при этом нормы, независимо от того, являются ли они моральными, правовыми или религиозными, оцениваются по волевым действиям самого человека и (или) по их последствиям. Именно таким образом, из оценок в сфере социальной нормативности формируются предписания и принципы. Большинство принимаются в качестве позитивных, например, такие установки, как: «убийство человека — это зло»; «милосердие — это добро»; «воровать — это незаконно» и т. п. В таком случае, получается, что социальные нормы — это прежде всего нормы взаимодействия или, как сегодня принято называть, коммуникации, людей в обществе, потому что общие правила позволяют человеку ориентироваться между «должным» и «недолжным» общественным поведением.

Конечно, система социальных норм каждого общества может иметь свои отличия, но каждое из обществ, безусловно, содержит унаследованные от предыдущих поколений оценки «добра и зла», выраженные в виде норм, институций. Вследствие этого социальная нормативность отражает общественную культуру поведения людей, но, следует отметить, не только через их интересы, но и через идеи, идеалы и, как ни парадоксально, даже через возникающие противоречия в обществе. Через институциональность, т.е. существующие в обществе учреждения, организации, объединения, союзы, устойчивые нравы, они органически вплетаются в общественные отношения, формируя таким образом их культуру.

Иными словами, современные общественные отношения связывают людей не только по социальным группам и их корпоративным интересам, но еще и по формальным признакам. Понятно, что в социальном пространстве человек с необходимостью должен строить свои планы в соответствии с нормами общежития, поэтому его социальная роль определяет его социальное поведение, которое должно быть сориентировано не только на его интересы, но и на определенные права и обязанности по отношению к другим людям вообще.

Современные процессы, в которые непосредственно или опосредованно включен человек, затрагивают самое главное для человека — это сферу его социальной жизни. Социализация человека — это не просто номенклатурная включенность его в социальное пространство, которое принято называть обществом или государством. Это прежде всего пространство жизни самого человека, осознанное и принятое им как необходимое жизненное пространство. Важным аспектом социализации человека является то, что практически каждый от рождения получает в готовом виде принципы социальной ориентации, сформулированные как определенные правила общественного поведения, и уже в процессе социализации человек либо приспособливается, принимая безоговорочно формы социальной нормативности, либо стремится каким-либо образом повлиять на их изменения, адаптируя их или под свои собственные интересы, или под общественные смыслы.

Сегодня человек поставлен в условия выбора между «быть» или «иметь». Нельзя сказать, что проблема выбора — проблема современности, она всегда являлась основополагающей мотивацией практической деятельности человека, независимо от того, выбирал ли он между «добром» и «злом» или «возможным» и «необходимым». Просто сегодня важным выбором для человека является именно выбор между «быть» или «иметь», приобретающий существенные, можно сказать, глобальные масштабы. Сегодня перед человеком остро встает проблема выживания, потому что неотъемлемое право человека — право на жизнь — не просто конкретно кем-то игнорируется, но подвергается риску нивелирования сама идея этого права.

Поэтому сегодня остро встает необходимость профессионального дискурса между юристами и философами по философ-

ско-правовым проблемам, тем более что профессиональный дискурс между специалистами в области юриспруденции и философии вокруг правовых проблем имеет исторические корни. В современной литературе обсуждаются философско-правовые темы: «место индивида внутри правовой системы как таковой», «свобода и закон» (Б. Леони); «мораль права» (Л. Фуллер); «право — на его универсальном уровне — прав человека и его свободы» (Ф. Хайек); «проблема нормативности общей теории права» (Р. Дворкин); «проблема этико-юридического дискурса», «проблема аргументации и интерпретации в юриспруденции» (П. Рикёр) и др. Необходимо лишь расширить список тем и добавить проблему социальной нормативности.

Бесспорно, методология правового позитивизма способствовала развитию конкретного правоведения, но проблема состоит в том, что, согласно позитивистской установке существует только одно право — юридическое, а всякого рода «сверхпозитивные» основания права позитивной наукой не воспринимаются серьезно. Понятно, что такая позиция в итоге ведет не только к абсолютизации роли государства, но и к утверждению его доминирующей роли по отношению к праву. Здесь не срывает даже классическая установка на то, что право возникло раньше государства, значит, и существовать может помимо него. К тому же такая установка не только отрицает возможность нахождения каких-либо оснований права вне реальности государственных установлений, но и зависит от изменений политической ситуации. И главное — в данном случае, по существу, разводятся такие понятия «закон как правовое явление» и «правовая сущность закона», а следовательно, практически из юридической науки элиминируется понятие объективного правового содержания. Совершенно очевидно: вследствие того, что юридический позитивизм ориентируется только на традиционный подход к праву, он не затрагивает вопросы моральной теории, а значит, и нормативной. Более того, ориентируя граждан на законопослушное поведение, правовой позитивизм исключает какие бы то ни было условия консенсуса. Однако не стоит игнорировать того, что из признания современной концепции права как чисто светского продукта разумной деятельности человека следует, что право создано не столько самим человеком, сколько для самого человека.

Понятно, что юристы, отстаивая современные формы профессионального подхода в изучении права в юриспруденции, в большей мере продолжают настаивать на традиционных формах и методах как в законодательной, так и в правоприменительной сферах. Связано это, конечно, в первую очередь еще и с тем, что в своей профессиональной деятельности юрист должен ориентироваться на законодательные и процессуальные проблемы, тогда как проблемы моральных или идеальных основ права выходят за пределы его юридического сознания. Однако не следует забывать, что в общественном пространстве и в общественных отношениях проблема заключается не в профессиональных спорах о концептуальном или методологическом подходе в исследовании права и правовой реальности. Вопрос состоит в определении наличия или отсутствия конституционных прав в государстве, способных защитить человека от государственного произвола.

МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ БЫТИЯ

О. В. Малюкова,

*доктор философских наук, профессор
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Темпоральное освоение бытия представляет собой одну из основных характеристик современного подхода к времени, которое реализуется в виде эпистемологии времени. Традиционно важнейшими формами бытия являются пространство, время, движение, системность и самоорганизация. Каждая из этих форм бытия может быть рассмотрена как в онтологическом, так и в эпистемологическом и аксиологическом смысле. Рассмотрим категорию времени, или, точнее, темпоральное освоение бытия и его особенности. Темпоральное бытие, освоение времени в ценностном аспекте есть важнейшая задача философии. Более ста лет назад В. И. Вернадский в одной из своих лекций подчеркивал: «Иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная роль философии для человечества кончена и в будущем должна быть заменена наукой. Но такое мнение само представляет

10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.
- Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
- Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82–2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Телефон редакции: (8-499)244-85-56.

Почтовый адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lexrus@msal.ru

Объем: 30,23 усл.-печ.л., формат 60x84¹/₈. Тираж 250 экз. Дата подписания в печать 29.11.2016 г.

Редактор *Л. А. Мункуева*

Корректор *А. Б. Рыбакова*

Компьютерная верстка *Т. В. Серёгина*

Печать цифровая. Гарнитура «Calibri».

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.